

Харлан Эллисон

**Вино слишком
долго простояло
открытым, воспоминания...**

Харлан Эллисон
Вино слишком долго
простояло открытым,
воспоминания выветрились

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156708

Аннотация

Скука была причиной того, что тысяча представителей инопланетных цивилизаций прибыли на Сбор Благозвучий.

Скука, бесконечная, полная, абсолютная, гнетущая, тоска, изнеможение миров, унылые вздохи, пустые глаза. Танец энтропии подошел к своему концу. Вселенной исполнилось пятьдесят миллиардов лет, и она устала. А разумные расы искали хотя бы нескольких мгновений радости.

И вот, Сбор Благозвучий, куда каждый привёз свою музыку...

Харлан Эллисон

Вино слишком долго простояло открытым, воспоминания выветрились

«Воспользовавшись тем, что он слышал, имея всего лишь одну пару ушей, в один изолированный момент зарегистрированной истории, в течение микроскопического мгновения доступного нам времени (которое кое-кто считает единственным имеющимся в природе), он пришел к определенному выводу, заключающемуся в том, что на свете существует множество явлений, которые он услышать не в состоянии, многое постоянно сообщается ему, иногда в виде песен, чтобы научить его тому, что уловить иным способом он не в состоянии... а если будет в силах понять, его сознание из фрагментарного наконец станет цельным – чистым и единым, парящим в тишине яйца, таким же тонально высоким, как само молчание».

В. С. Мервин, «Хартия»

Скука была причиной того, что только одна тысяча и еще сто представителей инопланетных цивилизаций прибыли на Сбор Благозвучий. Одна тысяча и еще сто инопланетян из одиннадцати тысяч шестисот возможных делегатов,

если брать по одному жителю из каждого населенного мира звездного сообщества. Но тот факт, что главной причиной организации Сбора была именно скука, в некотором смысле уравновешивал небольшое количество собравшихся участников. Скука, бесконечная, полная, абсолютная, гнетущая тоска, изнеможение миров, глубокие, унылые вздохи, пустые глаза, давно знакомые мысли и взгляды.

Танец энтропии приближался к концу.

Музыка Вселенной была скрипучей, хриплой, мелодия бесконечно замедлялась, потому что оркестранты разучились играть с нужной скоростью. На танцевальной площадке появились выбоины, нет, скорее глубокие пропасти.

Колеблющейся Вселенной исполнилось пятьдесят миллиардов лет, и она устала.

А разумные расы, населяющие одиннадцать тысяч и шестьсот миров, искали нескольких мгновений радости, которые, точно бусины бледных, пастельных тонов, усеивали бесконечное тоскливое время, напоминающее ленту Мебиуса. Всего лишь мгновения радости, каждое последующее значительнее предыдущего – ведь их было так мало. Все, что можно сделать, уже совершено; каждая новая попытка – всего лишь вялое повторение прежнего.

Сбору Благозвучий предшествовал Квадривиум на Валпекуле в 08-м, тональный фестиваль, который организовали сатурниды Вуонга в 76-м и устроенная Ригелианским Товариществом короткая, совершенно нелепая «музыкальная ве-

черинка», оказавшаяся не чем иным, как еще одной идиотской попыткой познакомить аудиторию – которую уже давно от этого тошнило – с небограммами художника Мерля.

Тем не менее (если воспользоваться фразой, извлеченной на свет божий и популяризированной Рецидивистами Форнакса 993-Лямбда) это было «единственным развлечением в городе». Поэтому, когда всеми уважаемый и блистающий Дейл-Бо придумал провести Сбор, его репутация новатора и главного врага скуки, можно сказать, расшевелила кое-кого... и одна тысяча и еще сто делегатов решили посетить Сбор Благозвучий на Виндемиатрикс-сигма, находящемся в том месте, что раньше, во времена гелиоцентрического высокомерия, называлось созвездие Девы.

Красно-желтый глаз гигантского Арктура вечно освещал лазурные небеса и соперничал с блистающей Спикой. Каньоны и пустыни Сигмы являлись малопривлекательной декорацией Виндемиатрикса, который всегда оставался на третьем месте после своих дюжих, старших родственников. Но Сигма, лишенный разумной жизни мир, напоминающий лоскутное одеяло, безводный и медленно умирающий, имел одно качество, которое Дейл-Бо посчитал решающим: здесь была потрясающая акустика, лучше, чем на любом другом мире Вселенной.

Лабиринт Вихря. От вулканических сдвигов, отступающего океана и медленных, сонных капель кислотных дождей остался лишь огромный каньон – гордость Сигмы, – где ста-

лагмиты уносились ввысь на сто шестьдесят километров; а сталактиты, кое-где походившие на маятники с острыми, как на копье, наконечниками, падали в девяностометровые бездонные черные пропасти; пещеры и высохшие русла рек; туннели, к созданию которых не приложило стараний ни одно мыслящее существо; летящие в поднебесье арки и стены из золотистого камня никогда не видели в глаза ни одного разумного существа Вселенной. В астрономических таблицах это место называлось Лабиринтом Вихря. Где бы вы ни находились в огромном, полуторакилометровом лабиринте, можете произнести что-нибудь самым обычным голосом, не повышая его, и будьте уверены – слушатель, забравшийся в самую глубокую пещеру в самой отдаленной точке лабиринта, услышит вас, словно вы находитесь рядом с ним. Дейл-Бо выбрал Лабиринт Вихря в качестве места проведения Сбора Благозвучий.

Наконец все собрались. Одна тысяча и еще сто представителей инопланетной жизни. Из мест, которые варвары когда-то называли созвездиями Павлина и Индейца, из Садаль-Бари, что в созвездии Пегаса, с Мицара и Фекды, они прибыли из самых разных миров звездного сообщества и привезли с собой особые звуки, рассчитывая, что те будут признаны самыми необычными, самыми потрясающими и самыми запоминающимися – иными словами, самыми совершенными. Они прибыли сюда, потому что им было скучно и они не знали, куда бы податься; а еще им ужасно хоте-

лось познать новые звуки, звуки, которые до этого момента им слышать не доводилось. Они прибыли в Лабиринт Вихря; и они слышали.

«...он приручил слона, кошку, медведя, крысу и поселил всех оставшихся китов в темных стойлах, он пытался их ушами услышать песнь оси, вокруг которой вращается Земля».

В. С. Мервин, «Хартия»

Единственное, чего она боялась в этой бесконечной жизни, так это что ее заставят родиться снова. Да, конечно, жизнь священна, но сколько, сколько мучительно долгих, цепляющихся друг за друга лет должна продолжаться жизнь? За что такое мучительное наказание было наложено на потомков тех, кто мечтал только об одном: познать сладкий сон забвения?

Всего несколько солнцестояний назад Стайлен пыталась вспомнить, сколько же ей на самом деле лет. Она уже несколько раз пыталась это сделать, но, когда поняла, что становится жертвой навязчивой идеи, заставила себя выбросить эти мысли из головы. Она была очень стара даже по меркам своего народа. И после всех этих долгих лет и бесчисленных звезд больше всего на свете мечтала о сладком сне.

Которого была лишена из-за законов и запретов ее народа. Стайлен искала, чем бы занять свои мысли.

Она изобрела систему гравитационного влияния на пульсацию, которая уберегла густонаселенные, крошечные миры

Неера-322 от падения на Главную планету. Она составила исчерпывающий алфавитный перечень исчезнувших эмоций всех погибших народов, когда-либо входивших в звездное сообщество. В течение ста солнцестояний она возглавляла Армии Красной Линии в нескончаемой Войне Прочиона и получила наград больше, чем любой другой главнокомандующий за долгую историю этой войны.

Неутолимое любопытство Стайлен в сочетании с продолжительностью жизни, дарованной ее народу, создали особое мышление, которое неминуемо привело к звуку. Она нашла этот звук и, поняв его истинное значение, прибыла на Сбор, чтобы поделиться своей находкой с остальными членами звездного сообщества. Потому что уже давно была готова насладиться сладким сном забвения.

Впервые за многие века Стайлен не стремилась просто развлечься и победить скуку, она выполняла важную миссию... миссию, которая должна была положить конец...

Она появилась на Сборе и привезла с собой свой звук. Древнее существо темно-желтого цвета удобно устроилось в сосуде, заполненном небесно-голубым раствором, в котором свободно плавали похожие на кукурузные рыльца волоски. Слуги Дейл-Бо доставили Стайлен в отведенное ей в Лабиринте место, установили сосуд на известняковом выступе в глубине одной из пещер, где акустика была особенно хорошей, выполнили все ее более чем скромные пожелания и ушли.

А Стайлен осталась размышлять о том, что ее энтузиазм к продолжению жизни заметно поубавился.

Дейл-Бо произнес короткую речь, посвященную началу Сбора, и та разнеслась по Лабиринту, по всем, даже самым отдаленным его уголкам. Речь не была составлена ни на одном из известных языков, в ней даже не было слов. С помощью звуков, одних только звуков Дейл-Бо дал собравшимся почувствовать свое к ним отношение – тепло и расположение, и сопричастность всему происходящему. В каждом уголке, в каждой пещере, в каждом углублении Лабиринта Вихря делегаты слышали – и заулыбались от удовольствия, каждый на свой лад, даже те, у кого не было рта и кто не умел улыбаться.

Самый настоящий Сбор Благозвучий – здесь будут оцениваться только звуки. Довольные делегаты начали удовлетворенно перешептываться.

А потом Дейл-Бо предложил на их рассмотрение первое звучание. Он взял на себя ответственную роль первооткрывателя, чтобы продемонстрировать всем свою дружбу, – ну, что-то вроде ледокола, разбивающего лед. И снова собравшиеся остались довольны проявлением гостеприимства Дейл-Бо и попросили его поскорее показать им свой особый звук.

Вот оно, это звучание, самый интересный, самый необычный звук, пойманный Дейл-Бо для своих слушателей:

На одиннадцатой луне мира, который его жители называ-

ют Чилл, растет цветок, чьи корни уходят глубоко, глубоко в озера, лежащие под поверхностью из черного камня. Этот цветок без имени рожден изысканным сплетением паутины.

Естественно, на одиннадцатой луне Чилла нет ни одного паука.

Время от времени по причине, которую никому так и не удалось узнать, эти цветы, сотворенные из паутины, вспыхивают ярким пламенем и медленно, очень медленно уничтожают сами себя, превращаясь в пепел, что остается лежать там, где он упал. Потому что на одиннадцатой луне мира Чилл не бывает ветра.

Во время церемонии умирания цветы издают жуткие звуки, от которых стынет кровь в жилах. Это песнь цвета. Оттенки, самые разнообразные тона, похожих не встретишь нигде во Вселенной.

Слуги Дейл-Бо посетили одиннадцатую луну Чилла и собрали сто самых великолепных цветов, сотканых из паутины. Дейл-Бо долго беседовал с цветами перед церемонией открытия Сбора Благозвучий. Он рассказал, зачем их доставили в Лабиринт Вихря, и, хотя цветы не умели разговаривать, по тому, как они гордо выпрямились в своих сосудах, наполненных обогащенной полезными веществами водой (куда цветы поместили после того, как они печально повесили головки, когда их забрали с одиннадцатой луны Чилла), стало ясно, что они посчитали предложение Дейл-Бо достойным исполнением своего предначертания и готовы сго-

реть по первому его слову.

Так что Дейл-Бо тихо произнес последние наставления, слова благодарности и любви цветам, рожденным из паутины, и они, вспыхнув ослепительным пламенем, запели свою страшную песнь смерти...

Сначала она была голубой, просто голубой, и каждый, кто присутствовал в Лабиринте, услышал ее. Однако голубой цвет служил лишь основой; в следующее мгновение возник пронзительный крик волынки, цвет, напоминающий пение ветра среди сухих стеблей убранной пшеницы. А потом зашумели морские волны, родились тени – так слепая рыба пробирается среди густых водорослей. И вот уже зазвучала безысходность, утерянные надежды столкнулись с цветами отчаяния, и тогда явилось ощущение тоски, невыносимой муки, которое напомнило делегатам-людям цвет страдания вдовца, когда тот не в силах перенести свое одиночество и потому убивает себя.

Присутствующим показалось, что песнь красок продолжается бесконечно, в то время как на самом деле она заняла всего несколько минут. Звуки стихли, цветы превратились в пепел, а делегаты еще долго сидели потрясенные, смущенные, жалея, что им довелось услышать эту песнь смерти.

Стайлен медленно кружила в своем сосуде, охваченная волнением, не в силах успокоиться – такое сильное впечатление произвела на нее песнь смерти цветов, представленная на суд Сбора. Впервые за свою долгую, не раз возвращенную

ей жизнь, Стайлен испытала боль. Острый осколок воспоминаний пробил покров ее уверенного спокойствия, вернул ясную, громкую музыку минуты, когда она отвергла того, кто ее любил. Он причинил ей боль, она сама была в этом виновата, а потом он погрузился в меланхолию – молчание столь глубокое, что никакие слова уже не могли вернуть его к жизни. А когда он покинул ее, она стала умолять о сне забвения, и получила что хотела... только затем, чтобы снова вернуться к жизни... слишком быстро.

Стайлен плакала.

Она с нетерпением ждала того мгновения, когда ей будет позволено представить звук, который она нашла и который наконец подарит ей свободу. Она сможет вырваться из болота бессмертия – Стайлен вдруг поняла, что ненавидит его всеми фибрами своей души. Прошло некоторое время, и один из делегатов, придя в себя от подарка Дейл-Бо, предложил слушателям свое благозвучие.

Насекомое, живущее в системе под названием Джоумелль, вот какой это был звук:

В глубинах молочно-белого моря одной водной планеты, находящейся в системе Джоумелль, есть огромный грот, стены которого усеяны разноцветными кристаллами кварца, содержание их цитоплазменных клеток повторяет волокна изгибов галактик HNGC-4038 и HNGC-4039. Когда эти кристаллы совокупаются, возникает единение, рождающее приливные ветры. Песнь экстаза, испытываемого этими кри-

сталлами, похожа на долгий, долгий вздох восторга, за которым следует другой, непохожий на первый, выше тональностью и чище.

А потом еще и еще, пока не рождается симфония кристаллического оргазма, сравниться с которой не может ни один звук, издаваемый живым существом.

Насекомое Джоумелли привезло с собой одиннадцать таких кристаллов (минимальное число, необходимое для сокупления) из водного мира. Несколько цистерн, составленных вместе, заполнили белой прозрачной кислотой, очень похожей на куминоин; благодаря этой кислоте возникало взаимное влечение. Она являлась чем-то вроде сексуального стимулятора. Кристаллы в цистернах приступили к ритуалу.

Сначала зазвучала одна-единственная нота, потом другая, перекрыла первую, затем еще и еще. Родилась симфония, звуки перетекали друг в друга, сплетались, взмывали в заоблачные выси, и делегаты закрыли глаза – даже те, у кого не было глаз. Они наслаждались невиданной музыкой, испытывая восторг и радость так, как характерно для каждого отдельного народа, представленного на Сборе.

А когда все было кончено, души многих наполнило ликование дарованной им жизни после того, как прозвучала страшная песнь смерти цветов, сотканная из паутины.

Души многих ликовали.

Но не всех.

«...частотная ограниченность слуха... календарь,

путешествующий вперед и назад, однако не во времени, даже несмотря на то, что время как раз и является мерилom частоты, как и мерилom всего остального (поэтому кое-кто и говорит, что время – мерило всего) ...»

В. С. Мервин, «Хартия»

Стайлен вспомнила, что испытываешь, когда объединяешь энергии с партнером. Очень похоже на эту песнь, чудесную, потрясающую песнь кристаллов.

Она сделала небесно-голубую жидкость в сосуде темной и непрозрачной и позволила себе погрузиться в воспоминания. Но волны памяти выбросили ее на берег, где все еще звучала песнь смерти, невыносимо печальная и страшная, та песнь, что пропели цветы Дейл-Бо. Стайлен знала, что даже дрожащие, тонкие нити, обрывки незабытой радости, не помогут ей, она изнемогала от желания представить собравшимся то, что приготовила для них. Во Вселенной так много боли, и если она – обладающая особой способностью справляться с такими невыразимыми количествами страдания – если даже она не может с этим жить... должен наступить конец. Это только гуманно.

Она попросила позволить ей выступить как можно раньше, но слуги Дейл-Бо посоветовали подождать; разорвав с ними контакт, Стайлен прикоснулась к сознанию существа, попросившего дать ему возможность продемонстрировать свою находку сразу после нее. Когда она дотронулась до его

сознания, оно мгновенно отгородилось, прервав связь. Испугавшись, что вела себя невежливо, Стайлен быстро вернулась к себе и больше не пыталась говорить с этим странным существом. Впрочем, одного короткого мгновения оказалось достаточно, чтобы она уловила нечто... скрытое... оно не выдержит...

А делегаты продолжали выставлять на всеобщий суд редкие благозвучия, одно чудеснее другого.

Делегат с РР Лиры-IV показал звучание умирающего сна в сознании существа, похожего на мышь и живущего на Бреге, существа, чьи сны и были единственной реальностью. Представитель созвездия РЗ Цефей бета-VI продемонстрировал, какие звуки издают привидения, живущие в горах Длани; они рассуждали о будущем и горевали о том, что им не дано его познать. Затем житель Эннора выступил с алым звуком, который постепенно заполнил всю Вселенную. Делегат от Врат предложил послушать амфибий в момент их превращения в позвоночное, живущее на суше; печальный стон утраты, когда хромосомы тоскуют о невозможности возврата в теплое соленое море. С Алгола СХХIII прибыли звуки войны, собранные в разных уголках звездного сообщества, разложенные на составляющие части, очищенные от ненужных наслоений и соединенные воедино, так что они превратились в чистый тон; он производил тяжелое впечатление. Житель Крови представил триптих: рождение Солнца, его прохождение через основную стадию кислородного го-

рения, превращение в новую звезду – вопль боли, безумные вибрации, возникающие и исчезающие в нормальном пространстве-времени. Представитель Иоббагии привез долгий тоскливый звук, который, как в конце концов выяснилось, сопровождал прохождение нейтрино сквозь Вселенную; когда один из присутствующих предположил, что звук, являясь вибрацией в какой-то среде, не может производиться нейтрино, проходящим через вакуум, иоббагиец ответил – довольно резко, – что демонстрируемый звук рождается внутри самого нейтрино; делегат, выдвинувший возражение, предположил, что, вероятно, пришлось воспользоваться совсем крошечным микрофоном, дабы записать этот звук; иоббагиец покинул Сбор, возмущенно вышагивая на одиннадцатиметровых ходулях. Когда шум стих, собрание вошло в свое русло и выступления продолжались. Теперь пришла очередь представителя Крюгера 60В-IX, который предложил попури из криков победы, удовлетворения, радости, чистоты и счастья, издаваемых микроскопическими существами, живущими в песчинках района Больших Пустынь на Катримани; эта мозаика восторга позволила вернуть Сбору прежнее праздничное настроение. А потом делегат из созвездия Опал (своего родного мира он назвать не мог, потому что имя было табу) возмутил всеобщее спокойствие, представив звук, определить который было невозможно, а когда он утонул в дрожащей тишине, оставив лишь воспоминание о какофонии, делегат сообщил, что так звучит хаос; ему пове-

рили. Следом выступил житель Главного – небесный хор исполнил концерт газов, которые ветер уносит прочь от голубой звезды, находящейся в туманности, на расстоянии десяти световых лет; даже голоса древних ангелов и то не звучали более возвышенно.

А потом пришла очередь Стайлен, и она подготовила свою песнь, которая должна была положить конец Сбору.

«А кроме – но, по правде говоря, и среди – последних животных, живущих и давно исчезнувших, сквозь пустое пространство, можно провести линии, обладающие собственным свойством увеличения прогрессии, и добраться по ним в районы звучания, которое никто не слышит, узнать существа, вымершие или так и не родившиеся, способные слышать взрывы световых брызг и континуум, являющийся оплотом мрака, барабанное эхо последних теней, но и музыку первого света, они внимают нарожденному переполнению».

В. С. Мервин, «Хартия»

– В том, что я хочу вам показать, нет радости, – предупредила Стайлен, она разговаривала с помощью телепатии, а еще делая особые движения в своем сосуде. – Но я нашла этот звук и не сомневаюсь: все вы мечтаете, чтобы я вам его подарила... Делайте с ним то, что посчитаете нужным. Прошу меня простить.

И она представила им свою находку.

Этот звук сопровождал гибель Вселенной. Последний

крик умирающих миров и солнц, и галактик, и островков вселенных. Всеобщая гибель. Последний звук.

Когда все стихло, никто не произнес ни слова, делегаты молчали, долго, очень долго, а Стайлен чувствовала одновременно грусть и удовлетворение: теперь наконец к ней придет сон, ей будет позволено отдохнуть.

– Этот делегат ошибается.

Повисло еще более напряженное молчание. Заговорил священник с Луксанна, главного мира созвездия Логомах, который населяли теологи, прагматики, резонеры – его слова прозвучали твердо и уверенно.

– Мы живем в пульсирующей Вселенной, – сказал он.

Капюшон его плаща закрывал лицо, и казалось, слова рождены мраком.

– Она погибнет и возродится снова. Так было и так будет.

У собравшихся поднялось настроение, в то время как Стайлен испытала настоящее отчаяние. Она, с одной стороны, радовалась за всех остальных жителей Вселенной, радовалась тому, что их скуке придет конец и они смогут стать свидетелями рождения новой жизни, а с другой – она горевала о себе, поняв, что будет опять возрождена из мертвых.

А потом существо, сознания которого она случайно коснулась, когда решался вопрос очередности выступлений, то самое существо, что отказалось от контакта с ней, выступило вперед и, обратившись сразу ко всем, проговорило:

– Есть еще звук.

Вот что показало им это существо – звук, который был всегда, который существовал во все времена, который невозможно было услышать, хотя он никогда не покидал жителей Вселенной; услышать его в данный момент стало возможным только потому, что он коснулся инструмента, коим стало само это существо.

Звук реальности сообщал о конце после конца, о всеобщей и заключительной гибели и утверждал, не оставляя ни малейшей надежды на сомнения, что возрождения не будет, потому что мы никогда не существовали. Кем бы себя ни мнили жители Вселенной, какое бы высокомерие ни превратило мечты в реальность, их существование подходит к своей завершающей стадии, дальше нет ничего, пустота. Ни пространства, ни времени, ни мысли, ни богов, ни возрождения из мертвых.

Существо позволило звуку стихнуть; те, кто пытались мысленно проникнуть в его сознание, чтобы понять, кто же это такой, потерпели неудачу. Он не хотел никому показываться.

Вестник вечности не имел имени... Почему?

Что касается Стайлен, которая не делала попыток проникнуть сквозь барьеры... она не испытала никакого удовольствия, узнав, что вся ее жизнь была лишь сном. Потому что если это правда, то и радости тоже были призрачными, ненастоящими.

Совсем непросто погрузиться в пустоту, так и не испро-

бовав счастья. Но она знала, что молить бесполезно.

Скука покинула Лабиринт Вихря.